

На пути химического урагана. Часть 1. Роковая Сморгонь

10 июля 2017

Данная серия статей посвящена особенностям противохимической обороны русских войск в ходе кампании 1916 г. на Русском фронте Первой мировой войны.

Боевым отравляющим веществом называется используемое в военных действиях химическое вещество, поражающее живые существа или заражающее предметы, с которыми они могут соприкасаться [Эдере Ш., Эстен М. *Химическое оружие и его токсическое действие*. М., 1939. С. 7].

Газовая война на Русском фронте имела свою специфику, отличающую ее от химической борьбы на Французском фронте. О некоторых из особенностей химической обороны русских войск позволяют сделать вывод следующие характерные боевые эпизоды.

В июне 1916 года боевые позиции у местечка Сморгонь (сейчас город в Гродненской области Беларуси) занимали войска русского 26-го армейского корпуса под командованием генерала от инфантерии А. А. Гернгросса.



1. А. А. Гернгросс.

Входившие в состав корпуса 64-я, 65-я и 84-я пехотные дивизии занимали участок от дер. Перевозы на р. Вили до дер. Цари на р. Белой. Местность в районе Сморгони и между окопами противников была сравнительно ровная и давала хороший обзор, кроме того,

будучи пологой в сторону русских позиций, она была удобна для газопуска противника.

Главный удар германцев в ходе этой газовой атаки пришелся по войскам 64-й пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта А. Е. Жданко.



2. А. Е. Жданко.

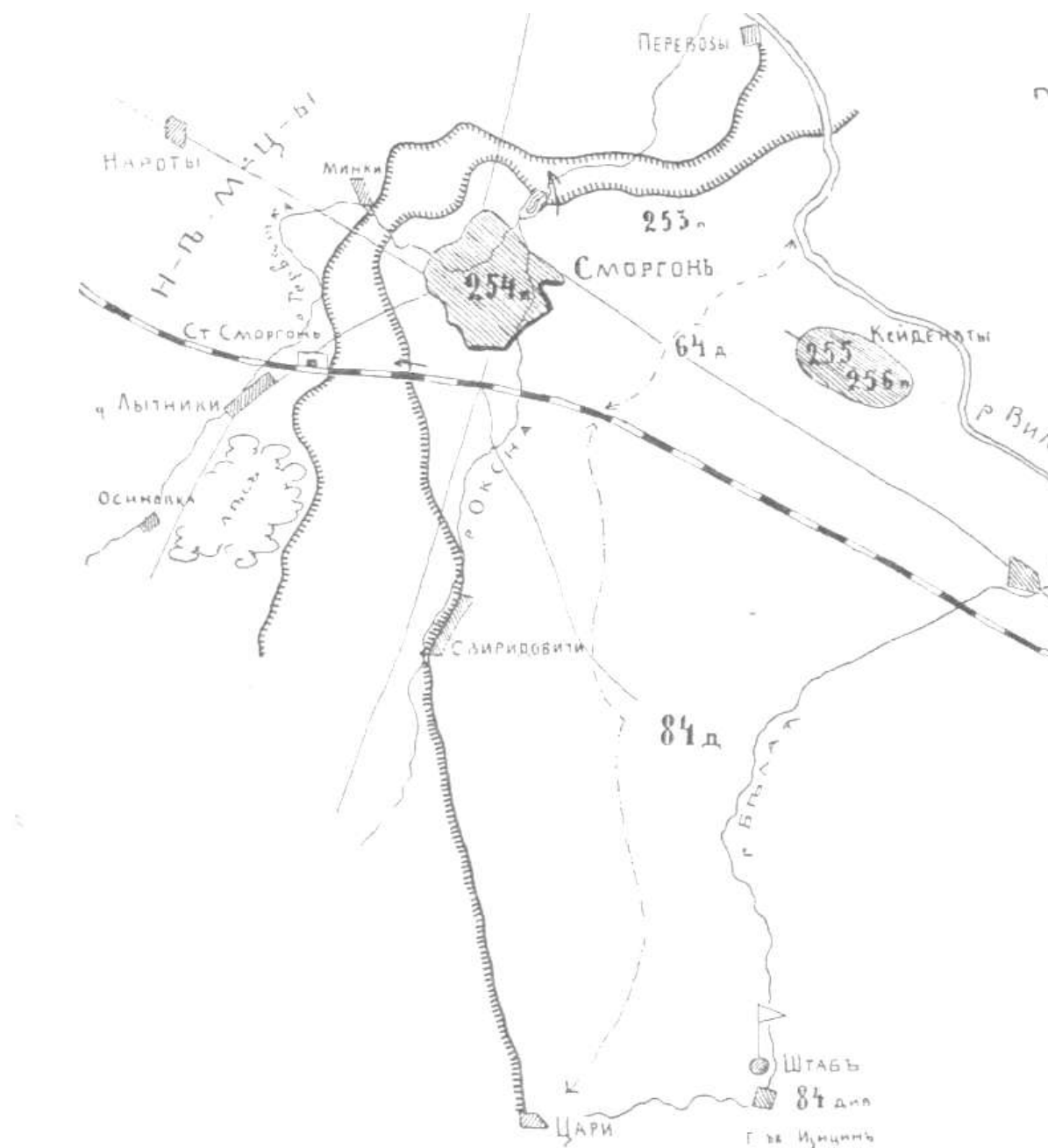
Уже за 2 недели до газовой атаки авиаразведка сообщала, что наблюдала, как германские солдаты выносили из грузовиков и переносили в окопы громоздкие тяжелые предметы – баллоны или снаряды.



3. Германские газовые баллоны.

Затем артиллерийский наблюдатель зафиксировал, как после

попадания в немецкий окоп русского снаряда произошел взрыв, после которого образовалось бурое облако, стелившееся по земле. Наблюдались и немецкие солдаты, бежавшие от этого места в тыл – причем по дороге несколько человек свалилось.



4. Район атаки.

Все это убедило русское командование, что противник ведет подготовку к газовой атаке – соответственно об этом были предупреждены все дивизии корпуса, войска усиленно снабжались противогазами, заготавливались материалы для разведения костров (после противогаза - наиболее эффективного средства антихимической защиты), в окопах были установлены емкости с водой (в воде находился раствор 20-30% соды), заготовлена негашеная

известь.

19-го июня на линии фронта царила мертвая тишина. С запада тянул слабый ветер – до 2 метров в секунду. Бойцы, которые вернулись из разведки, нарядов и работ, лечь спать не успели – в 03. 15. началась вражеская атака. В преддверии газовой атаки немецкая артиллерия открыла ураганный огонь химическими боеприпасами – он велся по окопам 2-й и 3-й линий, а также по позициям артиллерийских батарей, ходам сообщения и тылам.

Через несколько минут от р. Гервятки, ст. Сморгонь, деревень Лычники и Нароты немцами газобаллонным способом был произведен газопуск - выпущена первая газовая волна синеватого цвета. Газопуск сопровождался сильным шипением из баллонов.

В этот момент русские сигнальщики на рожках заиграли положенный в таких случаях сигнал «слушайте все», а солдаты, надевая маски и противогазы, кинулись зажигать костры перед окопами. По надвигающемуся облаку из всех видов оружия был открыт интенсивный огонь. Но костры, отсыревшие после дождя, гореть не хотели.

За газовым облаком наступала германская пехота – немецкие солдаты в противогазах, подойдя к русским заграждениям, кричали: «Рус, атака». В одной руке они держали свои винтовки, а в другой руке – дубины с большими набалдашниками, которые были утыканы острыми шипами – для того чтобы добивать отравленных русских солдат. У некоторых за спиной были мешки со стружками. Но у русских проволочных заграждений германцы попали под сильный огонь и побежали в свои окопы.



5. Средневековое оружие начала 20 века, применяемое армией «культурной» Германии – дубинка, утыканная гвоздями и шипами.

После отражения первой атаки многие русские солдаты сняли противогазы – в противогазах Зелинского-Кумманта было трудно дышать, а маски «новейших» образцов высохли, и им требовалось увлажнение. Многие подумали, что атака завершилась. Началась эвакуация в тыл отравленных людей.

И в этот момент германцы выпустили второе газовое облако – оно было более густым и имело молочно-голубоватый цвет. Облако имело высоту более 8 метров и захватывало 5-километровый фронт.

За газовой волной передвигалась дымовая завеса, а вслед за ней наступали 4 линии цепей немецкой пехоты. Атака пехоты была мощнее, чем в первый раз, но и она была отражена дружным винтовочным, артиллерийским и, особенно, пулеметным огнем русских частей.

Газовая атака, длившаяся 1,5 часа, завершилась. Газы проникли вглубь русской обороны на 12-километровую глубину и нанесли русским частям большие потери.

В общей сложности в 3-х дивизиях 26-го армейского корпуса было отравлено 45 офицеров (из них 5 умерло) и 2505 нижних чинов (из них умерло 429 человек). Наиболее сильно пострадал 254-й пехотный Николаевский полк, потерявший 1606 человек (в том числе 412

человек – то есть 25% - умершими). Погибло и много артиллерийских лошадей.

Несмотря на своевременность поступившей информации о начале атаки, наличие арсенала средств борьбы с отравляющими газами, потери были значительные. Материалами комиссии по исследованию этого боя, они были объяснены тем что: 1) корпус впервые в своей истории отражал газовую атаку; 2) атаке предшествовал мощный артиллерийский огонь противника, повредивший оборонительную инфраструктуру соединения и отвлекший внимание войск от газопуска немцев; 3) газовая атака проводилась в 2 этапа – и многие русские солдаты после первого этапа сняли противогазы и маски; 4) от усиленных передвижений и стрельбы, тем более летом, маски сдвигались и быстро высыхали; 5) самые большие потери пришлось на долю офицеров, унтер-офицеров, телефонистов и связистов – для того чтобы отдавать и слышать распоряжения они сняли противогазы и маски - совершив подвиг. В полном составе погибли корпусная химическая команда и санитарная часть – решая присущие им задачи, бойцы этих подразделений не думали о своей личной безопасности.

Вести разговор о халатности командования не приходится. Начальник дивизии заранее предупредил свои полки о возможности газовой атаки, периодически проводились газовые тревоги, в окопах были расставлены бочки с содовой водой, имелась негашеная известь, 14 распылителей, были зажжены костры, все необходимые сигналы были поданы своевременно.

Имелось достаточное количество средств индивидуальной защиты. Так, наиболее пострадавший 254-й Николаевский полк имел 5356 масок и противогазов. Лучшими оказались противогазы Зелинского-Кумманта – 526 человек, их использовавшие, спаслись почти все. Значительно хуже показали себя маски «нового образца» с бутылкой (713 единиц), «новейшего образца» (3901 единица) и Горного института (все остальные).

С другой стороны, опрошенные комиссией солдаты этого полка показали, что зажечь костры вовремя не удалось (не было спичек и мешал сильный огонь противника), а маски у многих бойцов не были под рукой – они висели на стенах окопа и из-за начавшейся давки добраться до них было трудновато. Один из офицеров штаба корпуса сообщил комиссии, что в день атаки у многих солдат и офицеров не оказалось масок и противогазов – личный состав недооценивал их ценность, считая что газовая атака на таком большом участке невозможна. Но зато после атаки все прониклись к противогазам уважением и носили их при себе не только на позициях, но и в тылу.

Отсутствие Наставления по противохимической обороне и недостаточная подготовка личного состава в этом вопросе также на пользу не пошли.



6. Изготовление противогазных масок.



7. Солдаты в противогазах Зелинского.



8. Отражение газовой атаки у Сморгони, 19 июня 1916 г. Бойцы в противогазах, один из них как антихимическое средство использует факел.

Противник не зря выбрал для своей газовой атаки Сморгонский боевой участок - он прикрывал коммуникации и железную дорогу, ведущую к Молодечненскому транспортному узлу. В случае успеха немцы могли прорваться к г. Молодечно. Благодаря стойкости защитников Сморгони противник не достиг желаемого успеха, но все же за короткий срок (за полтора часа) вывел из строя 2,5 тысячи человек.

Атака была незавершенной - попав под огонь русских войск, немцы не выдержали и отхлынули обратно. Большое значение имело и то обстоятельство, что русская артиллерия, по данным наблюдателей, повредила газовые баллоны противника.

При всех технических недостатках в организации противохимической обороны русских войск, Сморгонский участок был удержан, но занимавшая его 64-я дивизия была серьезно ослаблена.

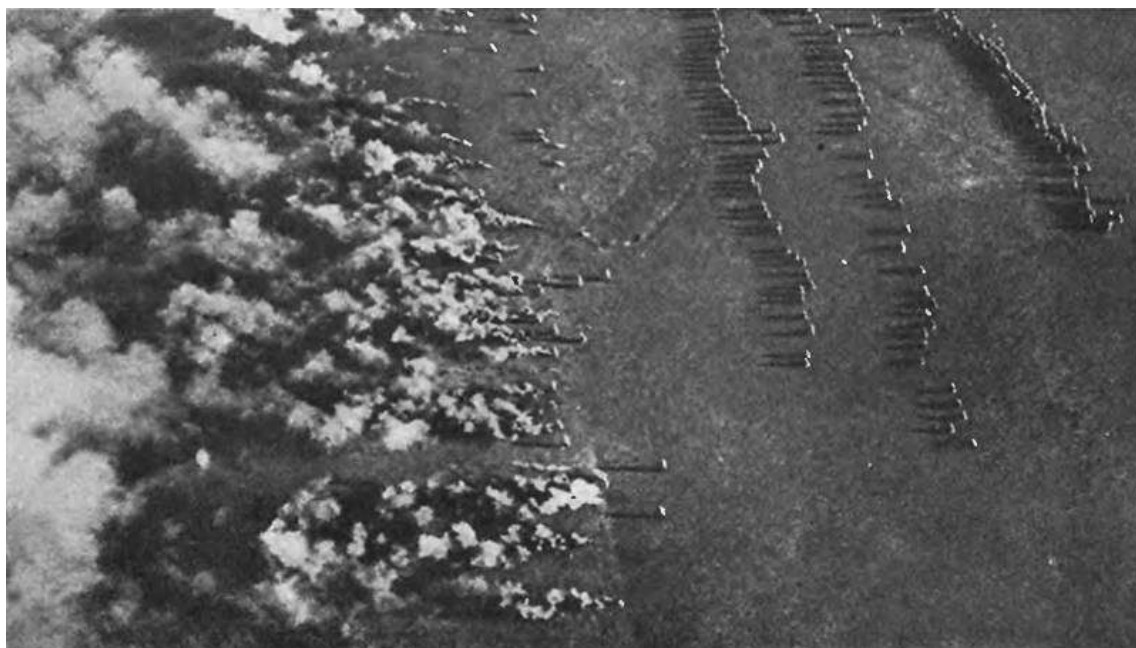
Через месяц, в ночь на 20 июля того же года немцы, воспользовавшись восточным ветром, вновь методом газопуска нанесли неожиданный химический удар по русским позициям – на боевом участке Сморгонь-Крево. Удар был нанесен во время смены на позиции русских частей - 14-й гренадерский Грузинский полк сдавал позиции сменявшему его 15-му гренадерскому Тифлисскому

полку Кавказской гренадерской дивизии 2-го Кавказского армейского корпуса.

Боевой участок на фронте Сморгонь-Крево кавказские гренaдеры занимали с сентября 1915 года. Местность была лесистая. За 10 месяцев гренaдеры успели хорошо оборудовать и обжить свои позиции.

Но газовая атака застигла гренaдер врасплох. Как происходит при смене частей на передовой, окопы были переполнены, и у многих бойцов противогазы оказались не под рукой. Несмотря на эти обстоятельства, среди гренaдер паники не было. Немедленно была передана «газовая тревога».

За первой волной газов последовали вторая, третья и т. д. Всего немцами было выпущено восемь газовых волн.



9. Германская газобаллонная атака на Русском фронте. Снимок сделан с аэроплана.

Так как многие бойцы не успели вовремя надеть противогазы, гренaдеры понесли тяжелейшие потери. Особенно пострадал батальон 14-го гренaдерского Грузинского полка под командованием подполковника В. Е. фон Киттера. Комбат, несмотря на отравление, остался в строю и решительными мерами организовал оборону на вверенном участке, задействовав для этого не пострадавших гренaдер.

Командир 14-го гренaдерского Грузинского полка полковник А. Г. Отхмезури, находившийся в передовых окопах, для того чтобы лучше

командовать, снял свой противогаз - причем его примеру последовали другие офицеры полка. 20-е июля 1916 года стало последним днем жизни Акакия Гавриловича, посмертно награжденного орденом Святого Георгия 4-й степени.

Несмотря на все принятые меры, ввиду больших потерь, участок позиции кавказцев длиной по фронту более 1000 шагов оказался оголенным. Немецкие пехотинцы вышли из своих окопов и волны их цепей двинулись в атаку. Одновременно с газопуском немецкая артиллерия открыла мощный огонь по артиллерийским позициям и тыловым дорогам русских войск. Огонь по коммуникациям должен был воспрепятствовать подходу резервов.

Дежурные батареи участка - 1-я батарея 84-й артиллерийской бригады и 3-я батарея 2-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона - несмотря на захлестнувшие их позиции волны желтого газа, немедленно открыли заградительный огонь.

Из-за сильного артиллерийского огня противника телефонная сеть во многих местах была перебита. Пришлось отправлять конных разведчиков (с донесениями), а также телефонистов (для починки линий связи). Эти люди подвергались повышенной опасности - во время движения вероятность отравления увеличивалась.

Вся артиллерия участка сосредоточила огонь по наступающим немцам - и атака была отбита. Из резерва подошел батальон 16-го гренадерского Мингрельского полка.

Густые газовые волны продолжали распространяться, захватывая обозы и тылы Кавказской гренадерской дивизии.

К 7 часам утра газовые облака рассеялись.

Потери кавказских гренадер были очень велики: окопы завалены трупами.



10. Жертвы газовой атаки.

До 3-х тысяч grenадер получили смертельные отравления. Повсюду лежали погибшие и умирающие. Очевидец отмечал такие страшные симптомы умирающих, как судорога, мучительная жажда и выступающая изо рта желтая пена.

Но, несмотря ни на что, люди героически выполняли свой воинский долг. Так, дежурный офицер 84-й артбригады поручик Кованько и бойцы его орудийных расчетов во время этого боя сняли свои противогазы – офицер для того чтобы подавать команды, а артиллеристы – чтобы лучше их слышать. Отбив немецкую атаку и выручив своих пехотинцев, все они умерли – на своей огневой позиции.

Артиллеристы и телефонисты 3-й батареи 2-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона также вели себя героически. Потери этой батареи: отравлены (но остались в строю) 2 офицера, убиты (от артиллерийского огня противника) 2 канонира и ранен 1 фейерверкер, отравлено и эвакуировано 12 нижних чинов. Т. о., боевая часть батареи потеряла 25% личного состава.

В ходе отражения вражеской атаки было совершенно много подвигов. Например, телефонист Гаевой под сильным огнем противника прополз вдоль всей телефонной линии – и исправил повреждение провода. А лодзинский еврей телефонист Райк снял мешавший ему работать противогаз - он получил отравление, но после выздоровления вернулся на батарею и был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Отличился грузин артиллерист-подпрапорщик Акабадзе, смело действовавший под артиллерийским огнем и в клубах газового облака.

Необходимо отметить, что, несмотря на тяжелые потери, русские войска (в отличие от своих союзников на Французском фронте) как правило не давали немцам возможности эксплуатировать результаты газовых атак и добиваться ощутимых тактических результатов. Но в моральном отношении сморгонский боевой участок стал считаться «трудным» для обороны.

25. 09. 1916 г. немецкие войска нанесли химический удар по позициям частей расположенного в Иксюльском плацдарме (предмостном укреплении) пехотного 173-го Каменецкого полка.

Полковой боевой участок занимали два батальона, еще один находился в полковом резерве, располагаясь на западном берегу р. Двина. На передовых позициях на плацдарме находились 3 заставы (по 24 - 48 бойцов в каждой), располагавшиеся на расстоянии 35 - 150 шагов от вражеских окопов. Телефонная связь связывала заставы как с батальонами, так и с полком. Причем в каждой заставе (и каждой роте полка) имелись газовые секреты - в их задачу входило своевременно обнаружить начало газовой атаки противника. Сигналом о начале такой атаки служила красная ракета.

Личный состав 173-го полка и всей 44-й пехотной дивизии, в которую он входил, в июне 1916 года был проинформирован о боевых свойствах отравляющих веществ. Солдаты прошли процедуру окулирования, выслушали лекции приглашенного в дивизию профессора Лаврова. Офицерский состав, а также унтер-офицеры и разведчики получили противогазы Зелинского-Кумманта, а рядовые - марлевые маски № 4 (с двумя вкладышами из марли – один против хлора, а второй - против синильной кислоты); некоторое количество нижних чинов также имело противогазы.

25. 09. в 4 часа 25 минут штаб полка получил первое сообщение о начале немецкой газовой атаки. В преддверии атаки солдаты в передовых окопах и секретах слышали в германских окопах усиленную возню и резкое шипение.

Засечь газовую волну на подходе не удалось – и бойцы передовой заставы начали надевать маски, когда газы уже стали заполнять окоп. Причем один из солдат - рядовой Китаев - не надел маску, бросившись по ходу сообщения, уже наполненному газом, к телефону – именно он сообщил об атаке в штаб полка. Затем герой упал и умер на месте. Так как солдаты, находящиеся на заставе надевали свои маски, находясь внутри газовой волны, то они почти все погибли либо были тяжело отравлены.

Находящиеся на правом фланге позиции проводившие разведку поручик Яновский и штабс-капитан Разумов во главе группы своих солдат находились у германских проволочных заграждений. Офицеры, заметив странную суету у окопов противника, увидели как немцы устанавливали

газовые баллоны. Разведчики кинулись к своим окопам, пытаясь предупредить своих о надвигающейся опасности – но им пришлось бежать уже в клубах отравляющего вещества. Поручик Яновский приказал выпустить красную ракету – и лишь затем побежал по ходу сообщения, заполненному ядовитыми газами, к своей маске, находившейся в землянке.

Подразделения полка стали принимать меры к отражению химической атаки противника – везде загорелись костры. Но ситуацию серьезно осложнил предрассветный час – основная масса солдат крепко спала. Это привело к потере времени – после того как людей разбудили, многие бойцы надевали свои маски в тот момент, когда уже находились внутри газовой волны. Многие солдаты, не имевшие масок при себе, увеличили суету, пытаясь их найти. Газовая волна быстро заполняла все низменности – и конечно окопы в первую очередь. Суета происходила под воздействием отравляющих веществ – соответственно, должным образом маски не пригонялись, надевались кое-как, наблюдались разрывы - особенно противогазов. Кроме того маски № 4 не были предназначены для противодействия фосгену – а именно его немцы и применили.

Кроме того ситуация усложнилась необходимостью отражать атаку пехоты противника силой до двух батальонов - и бойцы должны были стоять с винтовками в руках в наполненных газом окопах и вести огонь по наступающему противнику. Но русские солдаты и офицеры сражались доблестно, проявив храбрость и самопожертвование. И атака немецкой пехоты – преимущественно артиллерийским и пулеметным огнем - была отбита.

Но в этот момент пошли 2-я и 3-я газовые волны, а за ними последовало новое наступление германской пехоты. Но и эта атака была отбита - полевой артиллерией и заранее пристрелянными пулеметами.

Достигнув позиций русских войск, бесцветный газ заливал окопы и ходы сообщений – сравнительно безопасные участки сформировались возле костров, которые оказались лучшим антигазовым средством. Люди, находившиеся рядом с кострами, как правило, избежали отравления. Так, командир полка полковник В. Э. Левис, снявший маску для того чтобы отдавать приказы по телефону, приказал развести костер в своей землянке и на входе в нее. В итоге полковник получил лишь легкое отравление.

В общем-то, все те, кто, не теряя голову, применил хоть какие-то меры предосторожности: залез на дерево или какую-нибудь возвышенность, обмотал мокрым полотенцем голову, спрятался под вымазанной в грязи

шинелью и пр. - уцелели. Но огромное значение для эффективности принятых мер имели условия ведущегося боя: они отвлекали людей от забот о личной безопасности – ведь необходимость заряжать винтовки, двигаться, отдавать приказы, докладывать и т. п. делала противогазы и маски очень обременительными. А в ситуации, когда многие бойцы надышались газом еще во время надевания масок, дышать им, имея пораженные органы дыхания, было тем более тяжело.

Но так как окопы и ходы сообщений являлись местами наибольшей концентрации отравляющих веществ, то сильнее всего пострадали поддержки и резервные роты.

Постепенно последствия отравления начали сказываться: солдаты в больших количествах выходили из строя и, опять же по ходам сообщений, двигались к передовому перевязочному пункту. В ходах сообщений, наполненных газом, многие из них теряли последние силы, падали и умирали, а добравшиеся до перевязочного пункта были в очень тяжелом состоянии. Некоторые участки ходов сообщений так были завалены пострадавшими, что пройти было невозможно.

В ночь на 24 сентября 1916 года двум полкам 2-й гренадерской дивизии – 6-му гренадерскому Таврическому и 8-му гренадерскому Московскому, впервые пришлось испытать на себе воздействие вражеского химического оружия – у местечка Крошин и деревни Адаховщина.

8-й гренадерский Московский полк только что заступил на позицию, сменив 7-й гренадерский Самогитский полк. Смена произошла раньше обычного, и поэтому последнему удалось избежать химического воздействия противника.

Ветер был юго-западным, скорость в момент химической атаки составляла 2,7 метра в секунду. Вечером стоял туман, а около 24 часов, перед самой атакой, шел дождь.

Наличие тумана и дождя делали газовую атаку со стороны противника маловероятной, и поэтому не удивительно, что когда около 24 часов на участках нескольких передовых рот наблюдатели и разведчики слышали характерное шипение газа, выпускаемого из баллонов, они не сразу поняли что происходит. Но, как только выяснилось, что это газовая атака – сразу же была поднята тревога - как звуковая, так и

световая. Затрещали трещотки и колотушки, были выпущены сигнальные ракеты, зажжены костры и сигнальные вехи.

Газопуск произошел около 24 часов – и основной удар пришелся по окопам, находящимся южнее железной дороги. Самые густые газовые волны пришли на позиции тавричан, занимавших окопы у дер. Якимовичи и московцев, занимавших окопы у дер. Адаховщина и южнее. Время прохождения газового облака заняло от часа до полутора часов. На различных участках наблюдались повторные газовые волны. Благодаря тому, что перед атакой шел дождь, а окопы 2-й гренадерской дивизии находились среди болот, газовая волна проникла в тыл не очень глубоко.

В деревнях Подлисейки и Ятвизь, где находились в резерве 7-й гренадерский Самогитский и 5-й гренадерский Киевский полки, а также часть подразделений 6-го гренадерского Таврического и 8-го гренадерского Московского полков, концентрация газов была незначительной. Степень поражения солдат, находившихся в этих деревнях, была слабая. В господском дворе Подлисейки было лишь 2 случая тяжелого отравления. Имелись отравленные и в господском дворе Селявичи.

Газовая атака была проведена на 5-километровом фронте, в тыл газ проник на 12-километровую глубину (но уже после 6 - 7 км его концентрация становилась безопасной).

Для химудара использовался хлор, хотя один из офицеров-москвичей ощущал запах, похожий на запах сена (его давал фосген).

Во время газовой атаки под удар попали находившиеся на позициях 1765 грендер Таврического полка и 3130 грендер Московского полка- всего 4895 человек. Из них у 4224 человек были противогазы Зелинского (87%) и у 671 бойца имелись маски образца IV-а (Смоленский вариант) (13%).

Из числа грендер, имевших противогазы Зелинского, пострадало 647 человек (то есть 15,4%), а из грендер, имевших маски образца IV-а, пострадал 341 человек (более 50%).

Из 4895 бойцов отравились и были эвакуированы в тыл 988 человек, из них умерло (до 1 октября) 76 человек. Благодаря своевременному применению масок и противогазов, большинство отравлений были легкими.

Т. о., количество жертв оказалось меньше, чем в более ранних

газовых атаках, но все же в двух полках выбыло из строя около 1 тыс. человек, что было для них ощутимо. Такое относительно малое для газовой атаки количество жертв объяснялось, прежде всего, тем, что в частях 2-й гренадерской дивизии самое серьезное внимание уделялось не только снабжению людей противогазами, но и обучение владению ими. Была разработана и установлена стройная система наблюдения и сигнализации. Все это и принесло соответствующие плоды.

Из числа отравившихся часть бойцов не успела надеть противогазы (маски) – до 10% для имевших противогазы и 21,3% для имевших маски, часть отравилась по причине негодности противогазов (масок) – 1,45% для противогазов и 20% для масок. Не успевали надеть противогазы (маски) в основном люди, бывшие в разведке, в секретах и в заставах. Основные причины, по которым противогазы Зелинского оказались непригодными для использования – не вынута (или ее не удалось вынуть) пробка, лопнула (или была прожжена) резина, оторвалась коробка, лопнуло стекло, сломалось кольцо при открывании пробки, запуталась тесемка маски (в телефонной катушке или баклажке). Часть солдат не смогла найти свои противогазы (маски), а другая – снимала их во время атаки, чтобы откашляться.

Один позднее умерший пулеметчик ходил за водой вообще без маски – лишь накрывшись мокрой шинелью. Умерших офицеров было двое – оба из Московского полка: один был принципиальным сторонником масок образца IV-а (в такой маске он и погиб), а другой в своем противогазе Зелинского заткнул верхнее отверстие газетной бумагой (чтобы не вдыхать угольную пыль) - и задохнулся. Всего отравилось 26 офицеров, но большинство легко.

Если рассмотреть количество жертв по полкам, то в Таврическом полку подверглось воздействию газов 1765 человек. Из 1450 человек, имевших противогазы Зелинского, отравилось 180 человек (12,5%), а из 315 человек, имевших маски образца IV-а, получил отравления 141 человек (46%). Умерло 17 человек или 1%.

В Московском полку подверглось воздействию газов 3130 человек. Из 2774 человек, имевших противогазы Зелинского, отравилось 467 (17%), а из 356 человек, имевших маски образца IV-а - 200 (57%) человек. Умерло 59 человек (1,9%).

Среди артиллеристов пострадавших было немного - один офицер (его противогаз Зелинского лопнул во время газовой атаки) и около 50 солдат, из которых большинство осталось в строю.

С особой заботой во 2-й гренадерской дивизии подошли и к делу эвакуации отравленных.

Дивизионный врач сразу же после начала атаки распорядился, чтобы все имеющиеся в распоряжении дивизии транспортные средства немедленно прибыли в дер. Подлисейки. Вскоре прибыли двуколки 2-й летучки XI-го отряда В.З.С. имени Воронежского земства, двуколки шефского транспорта, санитарные автомобили 31-й автомобильной колонны. В Подлисейки прибыл и весь медицинский персонал 2-й летучки XI-го отряда и носильщики перевязочного отряда дивизии.

Полковые врачи Таврического полка находились в Ольсевичах - у землянки командира батальона они организовали передовой кислородный пункт (в Старом Дворе был второй кислородный пункт). В Московском полку один врач находился в господском дворе Адаховщина, второй в заимке Адаховщина и третий - в Ятвизи. Врачи Самогитского полка и один врач артиллерийской бригады работали в Подлисейках, где расположился главный сборный кислородный пункт, а также находились все транспортные средства, которые по мере надобности направлялись или в господский двор Старый или в господский двор Адаховщина.

Пострадавшим в ходе газовой атаки давали дышать кислородом и делали впрыскивания камфары, кофеина и морфия. С пострадавших снималась верхняя одежда – так как шинели сильно поглощали хлор. После оказания на передовом кислородном пункте первой помощи пострадавшие, при первой же возможности, отправлялись на главные полковые кислородные пункты. Раненые перевозились на автомобилях, фурманках и двуколках, иногда доставлялись и на руках.

Благодаря тому, что эвакуация была налажена очень хорошо, уже к 12 часам дня всех пострадавших удалось эвакуировать с передовой. Другими словами, около 1000 отравленных гренадер через 12 часов после начала газовой атаки уже находились в теплых помещениях и имели надлежащий уход. Огромная заслуга в этом принадлежала энергичному и распорядительному дивизионному врачу П. Потираловскому.

Неоценимую помощь в деле эвакуации пострадавших оказали автомобильная колонна и двуколки XI-го отряда и шефского транспорта. Автомобили возили пострадавших от господского двора Адаховщина и от Подлисеек в Погорельцы, в то время как из господского двора Старый пострадавших возили только на двуколках и фурманках - вследствие плохого состояния дорог и наличия слабого

1-километрового деревянного моста, автомобили на этом отрезке пути ездить не рисковали.

Эта газовая атака еще раз со всей наглядностью продемонстрировала преимущество противогазов Зелинского перед защитными масками. Очевидно и то обстоятельство, что при принятии всех необходимых мер противохимической защиты, должных дисциплинированности и обученности личного состава его потери минимизировались.

По итогам отражения этой атаки были сделаны соответствующие выводы.

Очевидно, что в передовых окопах никто из бойцов спать не должен (более 15% отравившихся - спали); противогаз всегда должен быть при солдате – куда бы он не отлучался, а снимать средства индивидуальной защиты следует только после приказа ротного командира. Огромную роль имели костры – они не только препятствовали проходу газовой волны, но и (также как и гидропульты) помогали очищать окопы, землянки и убежища от застоявшегося газа. При землянках батальонных командиров было признано целесообразным организовывать пункты оказания первой медицинской помощи – кислородные станции, снабженные не менее чем 3 баллонами кислорода и достаточным количеством подушек (15 - 20). Не менее 2 санитаров, специально обученных технике наполнения подушек кислородом, откомандировывались в такой пункт от каждой роты. В дальнейшем отравленные отправлялись на главные полковые перевязочные пункты (оснащались не менее 6 баллонами кислорода и 30 подушками), и далее в тыл.



12. Отражение химической атаки

Очевидно, что успех борьбы отравляющими веществами зависел, прежде всего, не только от достаточного снабжения частей «рациональными средствами борьбы с ними» [Корш В. Удушливые газы и борьба с ними. – Военный вестник. – 1922. - № 12. – С. 26] но и в огромной степени также и от умения с ними обращаться. И в 1915-1916 годах для решения этой задачи были изданы соответствующие наставления, а в части и учреждения, как фронтовые, так и запасные, направлялись инструктора - для практического обучения личного состава войск противогазному делу.

Автор: Олейников Алексей



11. Жертвы германской газовой атаки на искомском плацдарме 25. 09. 1916 г.

Газовая атака у Искюля проиллюстрировала, какое огромное значение для успешного применения химического оружия имеет тактическая внезапность. И насколько важно вовремя применить имеющиеся защитные меры и средства. Несмотря на то, что личный состав 173-го полка готовился к отражению газовой атаки, пострадал он достаточно серьезно – 811 человек получили отравления и 272 человека умерло.

Тем не менее, атака противника была успешно отбита, и применение отравляющих веществ к какому-либо изменению тактической обстановки на данном участке фронта не привело. Противник получил и огневой ответ - после третьего газопуска немцев русская тяжелая артиллерия нанесла удар, разбив несколько газовых баллонов противника.